

ВЕЛИКІЕ СТРОИТЕЛИ РОССІИ.

2. Московскіе князья-собиратели.

Величайшій русскій историкъ. С. М. Соловьевъ. писалъ въ серединѣ XIX столѣтія: «громадность Русской государственной области можетъ привести нѣкоторыхъ въ заблужденіе. заставить подумать, что Россія — колоссальное государство, въ родѣ древнихъ Ассирійскаго, Персидскаго, Римскаго; но стоитъ только внимательно взглядѣться въ явленія начальной Русской исторіи, чтобъ увидѣть, какъ невѣрно подобное мнѣніе». Россія выросла *органически*, а не случайными завоеваніями болѣе слабыхъ сосѣдей. Уже въ эпоху первоначальнаго объединенія восточныхъ славянъ въ своеобразный государственный союзъ, созданный кіевскими князьями, Русская Земля тянулась отъ Азовскаго моря и Подкарпатя къ Финскому заливу. *Природа страны и составъ ея населенія*, а не историческія для нея случайности создали громадность территоріи Русской Земли Владиміра Святого и Ярослава Мудраго. Исторія Россіи есть исторія «колонизирующей страны», и это основное положеніе С. М. Соловьева остается въ силѣ, какъ для Русской Земли стараго времени, такъ и для Россіи времени новѣйшаго. Тутъ заложены различія ея исторіи, задачъ ея государственнаго строительства и ея культурнаго дѣла — отъ положенія западно - европейскихъ государствъ, которыя давно получили возможность сосредоточить свои силы на уже колонизованныхъ территоріяхъ. —

Монгольское завоеваніе XIII столѣтія привело къ разрыву постоянныхъ связей русскаго юга и запада съ сѣверо - востокомъ. Постѣ него, потребность болѣе прочнаго объединенія для защиты своей жизни, вызвала собираніе русскихъ земель въ болѣе организованные государственные союзы. Русскіе югъ и западъ, около маленькой Литвы, сложились въ Литовско-

Русское государство, въ которое вошли старѣйшія и культурнѣйшія русскія территоріи Днѣпра и его притоковъ. Эти земли вышли изъ-подъ татарскаго владычества, принявъ верховную власть литовскаго князя, но сохранивъ свою старую внутреннюю русскую жизнь. Земли же по верхней Волгѣ, Окѣ и ихъ притокамъ еще долго изнывали подъ «агарянскимъ» игомъ. Но потомъ началось и ихъ собираніе, и именно онѣ стали тѣмъ ядромъ національнаго государства, около котораго русскій народъ долженъ былъ собраться *весь* въ его дальнѣйшей исторіи. Какъ же образовалось это ядро? Съ какою идеею началось здѣсь собираніе Руси и во что вылилась эта идея съ его успѣхомъ?

Ко времени нашествія татаръ, въ верхневолжскомъ и приокскомъ краяхъ, на широкомъ просторѣ, раскинулись двѣ русскія земли — Ростово - Суздальская и Муромо - Рязанская. Первая — между Клязьмою и сѣвернымъ загибомъ Волги, вторая — по среднему теченію Оки и въ области ея правыхъ притоковъ. Осетра и Прони. Громадная полоса лѣса отдѣляла Суздальскую Землю отъ Русскаго Юга и дала ей имя Залѣсья. Земля Рязанская, также обильная лѣсами, къ югу переходила въ открытую степь, столь облегчавшую путь кочевникамъ. Рядъ городовъ — одни очень давно, другіе позднѣе — выросъ на территоріи этихъ земель. И изъ всѣхъ нихъ судьбами исторіи выдѣлилась Москва, которая собрала около себя всѣ остальные города, со всѣми тянувшими къ нимъ селами и деревнями. Этого мало. Москва пошла по пути собиранія цѣлой Русской Земли въ единое національное государство русскаго народа.

Археологическія данныя, въ ихъ числѣ арабскіе диргеми середины IX столѣтія, говорятъ, что мѣстность, гдѣ стоитъ городъ Москва, сохранила слѣды очень давней жизни и что она лежала на торговыхъ путяхъ великихъ путешественниковъ первой половины средневѣковья, арабскихъ купцовъ. Но мы не будемъ углубляться въ это слишкомъ далекое время. Для насъ важна Москва какъ возникавшій центръ русскаго національнаго государства.

Подъ 1147 годомъ ее впервые упоминаетъ лѣтопись. Тогда она была крупнымъ дворцовымъ селомъ суздальскаго князя Юрія Долгорукаго. Въ нее онъ звалъ одного изъ своихъ южно-

русскихъ союзниковъ словами: «буди, брате, ко мнѣ къ Москвѣ»: въ ней былъ устроенъ для него «обѣдъ сильный». Черезъ нѣсколько лѣтъ это село обнесено плотнымъ частоколомъ изъ толстыхъ деревьевъ. Оно стало городомъ, т. е. огороженнымъ, укрѣпленнымъ мѣстомъ, и получило княжескій гарнизонъ. Въ дни русскаго горя, въ татарское нашествіе, Москва сожжена татарами въ 1238 году, послѣ геройскаго сопротивленія, руководимаго воеводою Филиппомъ Пянькою. Жители перебиты, и хищники забрали «много имѣнія». Но уже вскорѣ послѣ разгрома въ Москвѣ былъ свой, хотя и кратковременный, князь. Это — Михаилъ, младшій братъ Александра Невскаго, захватившій и великое княженіе Владимірское, но погибшій въ 1248 году въ бою съ литовцами. Затѣмъ Москва—въ числѣ городовъ, принадлежавшихъ Александру Невскому, который ее отдалъ въ «удѣль» своему «мезинному» сыну Данилѣ. Отъ него и пошла уже непрерывная линія московскихъ князей — Юрій и Иванъ Даниловичи, Семень и Иванъ Ивановичи. Димитрій Ивановичъ и его преемники.

Конечно, мы должны забыть наши современныя представленія о городѣ, когда хотимъ себѣ представить Москву того времени. Ея центръ — Кремль или «дѣтинецъ», обнесенный бревенчатою, деревянною стѣной. Онъ на любимомъ мѣстѣ старыхъ русскихъ городовъ-крѣпостей, на крутомъ обрывѣ, при слияніи двухъ рѣкъ. — на Боровицкомъ холмѣ, при впаденіи рѣки Неглимной (Неглинной) въ Москву-рѣку. Въ немъ княжой дворъ, изба съ дворовыми постройками и помѣщеніемъ для гарнизона. А за княжимъ дворомъ — длинный рядъ селъ, которыя постепенно вливались въ становившійся великаномъ городъ, въ первой половинѣ XVI столѣтія уже имѣвшій въ окружности болѣе 20 верстъ. Старыя села бояръ и князей, городища и урочища --- Драчевское, Кучково поле, Напрудское, Семциньское (нынѣшняя Пречистенка), Хвостовское, Кудрино, Дорогомилово и другія — все это мало-по-малу слилось въ громадный городъ, который уже въ XVI вѣкѣ заѣзжіе иностранцы считали равнымъ по величинѣ тогдашнему Лондону. Издревле эти мѣста были покрыты боромъ, воспоминаніе о которомъ сохранилось въ цѣломъ рядѣ московскихъ урочищъ. Разбросанныя въ бору села и слободы вбирала въ себя Москва и къ концу XIV столѣтія она раздѣлилась на Кремль, Посадъ, Загородъ и Зарѣчье.

Москва-городъ, съ окрестными селами, и составляла весь «удѣль» основателя линіи московскихъ князей, Данилы Александровича. Но онъ, умѣло дѣйствуя въ обстановкѣ своего времени, въ тяжбахъ и столкновеніяхъ своихъ старшихъ братьевъ, подъ верховнымъ владычествомъ грознаго татарскаго хана, зорко высматривалъ возможности «примыслить» къ своей вотчинѣ новые куски земли и старался охранить ее отъ опасной для нея силы и себялюбивыхъ замысловъ великаго Владимірскаго князя, такого же вотчинника въ своемъ «удѣлѣ». Данило отнялъ Коломну у Рязанскаго князя Константина, а «вотчиною» своею Переславлемъ его «благословилъ» передъ своею смертію его племянникъ, князь Иванъ Дмитріевичъ. И, умирая въ 1303 году, Данило уже владѣлъ двумя городами кромѣ Москвы — Коломною и Переяславлемъ. Наслѣдовавшій ему его старшій сынъ Юрій захватилъ городъ смоленскаго князя Можайскъ и сталъ обладателемъ всего теченія Москвы-рѣки, отъ ея верховья до низовья, отъ Можайска до Коломны. Юрій сознавалъ себя настолько сильнымъ, что рѣшился на тяжбу за великое княженіе Владимірское съ тверскимъ княземъ, получившимъ его отъ хана. А эта тяжба потребовала не только упорства и рѣшительности, но и силъ для вооруженной борьбы съ соперникомъ и денегъ для задариванія хана и его приближенныхъ, а также большой хитрости и житейской изворотливости, не спасшихъ его, однако, послѣ его торжества, отъ насильственной смерти отъ руки сына погубленнаго имъ тверскаго князя Михаила Ярославича.

Преемникъ Юрія, Иванъ Калита, продолжалъ дѣло, начатое отцомъ и старшимъ братомъ. Послѣ борьбы съ Тверью, ему удалось прочно утвердиться на великомъ княженіи и получить великую милость хана, съ полномочіемъ собирать «выходъ», татарскую дань, съ Русской Земли для передачи ея въ ханскую казну, съ «тишиной» отъ татаръ для Московскаго удѣла. Въ то время, какъ другіе удѣльные князья-вотчинники, нуждаясь въ деньгахъ, продавали свои села, Калита ихъ покупалъ. 16 селъ во Владимірскомъ, Юрьевскомъ, Костромскомъ и Ростовскомъ уѣздахъ, волость Кистьма, Бѣлоозеро, Угличъ и Галичъ были его «куплями». Своимъ сыновьямъ онъ оставилъ уже цѣлыхъ пять городовъ, 54 волости и 32 дворцовыхъ села. Но значительные, по представленіямъ того времени, размѣры удѣла Калиты были миниатюрны, если приложить къ

нимъ масштабъ Россіи, выросшей изъ Московскаго княжества. Оно въ Калитино время не охватывало даже нынѣшней Московской губерніи, ибо въ него не входили ея уѣзды Клинскій, Волоколамскій и часть Дмитровскаго. Сыновья Калиты, Семень и Иванъ, продолжали дѣлю «примысловъ»: — села въ Переяславскомъ, Юрьевскомъ, Костромскомъ уѣздахъ и въ Галицкомъ княжествѣ, земли на лѣвой сторонѣ Оки и при устьѣ Протвы и нѣкоторыя другія были приобрѣтены ими. Калитина вотчина росла, но росла не быстро, безъ спѣху и прочно собирая земли, такъ же постепенно, какъ городъ Москва естественнымъ своимъ развитіемъ понемногу вливалъ въ себя окрестныя села. Создавался тотъ крѣпкій фундаментъ, на которомъ выстроилось позднѣе величественное зданіе Московскаго Царства, а изъ него, еще позднѣе, поднялась Россія, какъ государство мірового значенія.

Съ какою же идеею рождалось Московское княжество? Оно было *вотчиною, собственностью, наследственнымъ земельнымъ имуществомъ* своего князя. Въ эту вотчину собственникъ ея влагалъ всю *любовь къ своей землѣ*, ту любовь, съ которою теперь *крестьянинъ-землевладелецъ* и болѣе крупный хорошій хозяинъ смотрятъ на свою землю-кормилицу — въ нее вложено столько кровнаго труда и пота, страды и истомы, она по малымъ кускамъ собрана цѣною лишеній и жизненной борьбы. Московскій князь того времени прежде всего *собственникъ, приобретатель*, накопляющій матеріальное богатство. Оно въ его землѣ, оно и въ собираемыхъ имъ золотыхъ поясахъ, шапкахъ, шубахъ, чашахъ, золотѣ и перлахъ. Стоитъ прочесть духовныя грамоты московскихъ князей, чтобы ясно усвоить это. Князь, какъ «грѣшный, худый рабъ Божій», даетъ «рядъ сыномъ своимъ и княгинѣ своей» и дѣлитъ между ними свои города и села, одинаково какъ и свои «чумы» (большія ложки или малые ковши), блюда, «чепи (цѣпи) золоты», «шапку золотую», «коробочку золотую», кожухи, «скарлатное портище сажено зъ бармами» и т. д. И имущество князя еще такъ невелико, если мы посмотримъ на него глазами современнаго намъ не только наследственнаго главы государства, но даже богатаго человѣка . . . Онъ помнитъ всѣ свои села, всѣ чаши, блюда, пояса, порты. Его вниманіе отдано почти одинаково накопленію какъ земель, такъ и золота, серебра, кожуховъ и шапокъ.

Собрать всего этого побольше, *копить* — вотъ къ чему стремился князь-вотчинникъ, надъ чѣмъ такъ упорно работала его мысль, къ чему направлена его воля. И все это онъ любитъ какъ *свое*, съ великимъ трудомъ и затратою громадныхъ силъ пріобрѣтенное. Онъ и похоронится въ собственномъ храмѣ Архангела Михаила въ Москвѣ и не завѣщаетъ погребсти свое тѣло въ великокняжескомъ городѣ Владимірѣ, хотя и былъ великимъ княземъ. *Свое* дороже всего, оно его и его семьи, оно *родное*. Передъ нами то самое настроеніе, съ которымъ жили почти *всѣ* создатели старыхъ государствъ Запада и Востока, получившихъ свое начало въ то суровое время.

Чтобы понять князя-вотчинника въ его жизни и дѣятельности, нужно помнить то, что одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ педагоговъ, К. Д. Ушинскій, такъ ярко зарисовалъ съ именемъ «патріархальной нравственности», наблюдая жизнь народныхъ массъ своего времени. *Чужой* — словно въ другомъ мірѣ, и нѣтъ вниманія къ его жизни, нуждамъ, даже страданіямъ. Все чувство — *своимъ*, о нихъ вся забота. И человѣкъ, не признающій ничего недозволеннымъ по отношенію къ чужому, готовъ сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы осушить слезу своего отца или доставить довольство и радость своей семьѣ.

Однако, очень рано для вотчинника-князя намѣтилось и то великое начало корректива, которое, развиваясь, должно было исправить и измѣнить его возрѣніе. Забота о населеніи удѣла-вотчины исходила еще изъ «патріархальной нравственности» князя и интересовъ хозяина: *его* людямъ должно житься хорошо, они — *его* и потому не чужіе. Но это для него и выгодно, потому что даетъ ему хорошихъ слугъ и плательщиковъ и привлекаетъ въ его вотчину переселенцевъ. Та высокая идея Московскаго Царства, которая одухотворила старую вотчинность, которая какъ живая вода влилась въ московскій удѣлъ и обеспечила ему гигантское развитіе и духовную красоту, дана была лишь *Русскою Церковью*.

Московскій князь былъ набоженъ и преданъ вѣрѣ отцовъ — она была *своя*, предковская, родная. Но не ищите въ немъ высоты и чистоты истиннаго христіанина. Постройка своихъ храмовъ и ихъ украшеніе, схима передъ смертью — еще далеки отъ сущности Христова Ученія. Въ нихъ такъ ясны еще начала себялюбія вотчинника и «патріархальной нравственности». Въ его храмахъ лампада теплится только за него, его

семью и его удѣль. А принятіе «иноческаго образа» умиравшими князьями, можетъ быть, въ этомъ отношеніи особенно характерно. Старые назидательные сборники объясняютъ его очень просто: съ принятіемъ новаго, монашескаго имени, грѣхи, совершенные раньше, уже не будутъ отягощать умирающаго при рѣшеніи его судьбы въ загробномъ мірѣ, и ангель скажетъ діаволу: «не сего суть человекѣ грѣси, сему есть имя ино, но не се есть, его же ты глаголеши и ищещи».

Русская Церковь сумѣла привить высокія и болѣе широкія начала къ «патріархальной нравственности» московскаго князя, не разрушая старую основу *своего*, родного для него, но *очищая* и *освящая* ее, открывая ему новыя задачи и *новый смыслъ его власти и собиранія имъ Руси*. Населеніе вотчины — «сироты» князя: Богъ вручилъ ему о нихъ заботу и обязалъ его охранять и дѣлать счастливою ихъ земную жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ Русская Церковь поставила московскому князю задачу обращенія его дворцоваго города Москвы въ *храмъ Руси*, а его крѣпости, Кремля, — въ ея *алтарь*. Это было дѣломъ одного изъ величайшихъ русскихъ іерарховъ, св. митрополита Петра. Строгій подвижникъ и истинный пастырь, онъ въ то опасное для путника время незлѣбно «прохожалъ мѣста же и грады» Русской Земли, «уча и наказуя всѣхъ». Св. Петръ любилъ бывать въ «градѣ» Москвѣ, «еще тогда малу сущу ему и не многонародну», и внушилъ Калитѣ мысль, «да сотворить церковь каменіемъ составленну во имя пречистыя Владычица наша Богородица» — «и градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ Русскихъ, и святители поживутъ въ немъ, и въздутъ руки его на плеча врагъ его, и прославится Богъ въ немъ, еще же и мои кости въ немъ положени будутъ». Съ постройкою этого храма, Успенскаго Собора, и началось созиданіе и собираніе въ Москвѣ обще-народной русской святыни, что дѣлало ее центромъ духовной жизни русскаго народа.

Митрополитъ сталъ рядомъ съ княземъ въ Москвѣ на стражѣ Московскаго княжества и собираемой имъ около себя Руси. Митрополитъ «всея Руси» — совѣтникъ московскаго князя: а въ лицѣ св. Алексѣя въ малолѣтство Дмитрія Донскаго — даже его опекунъ со всею полнотою власти. Русскіе подвижники такой недосягаемой высоты и кристальной чистоты, какъ преп. Сергій Радонежскій, возносятъ за московскаго князя свои молитвы и помогаютъ ему своимъ благословеніемъ

и своимъ дѣланіемъ. Русскіе миссіонеры столь величаваго подвига, какъ святитель Стефанъ Пермскій, обращаютъ язычниковъ, расширяютъ тѣмъ Московскую епархію и насаждаютъ въ самыхъ глухихъ мѣстахъ Московскаго княжества *идею Православной Русской Державы*. Митрополитъ становится постояннымъ посредникомъ въ столкновеніяхъ московскаго князя съ другими князьями, склоняетъ ихъ къ примиренію съ нимъ и къ признанію его первенства. Церковь учила населеніе, что оно должно быть вѣрно своему князю: «аще добръ пріяете князю вашему, и обогатѣетъ земля ваша и плодъ добръ объемлете». Отъѣзжающій отъ своего князя къ другому «подобень есть Иудѣ, иже, любимъ Господомъ, умысли продати Его княземъ жидовскимъ». Русская Церковь бережно хранила идею единства русскаго народа. *На основѣ единства «русской вѣры» и выросло русское національное сознаніе* — всѣ тверичи, москвичи, рязанцы, полочане, новгородцы, черниговцы, кіевляне и т. д. сознали себя единымъ русскимъ народомъ, прежде всего потому, что всѣ они исповѣдывали единую «русскую вѣру».

Національно сознающій себя народъ выдѣляетъ себя изъ общей массы народовъ и противопоставляетъ ихъ себѣ. Русь противопоставляла свою «русскую» вѣру вѣрѣ «латиновъ» — «не примаи ученья отъ латынь, ихъ же ученье развращено; и «латынская прелесть» ставила католика въ одинъ рядъ съ «жидовиномъ», «сарациномъ» и «всѣми погаными». Но себя противопоставлялъ русскій народъ и «сыроядцамъ-татарамъ». Власть ихъ надъ нимъ была *чужою*, она подлежала сверженію. И московскій князь сумѣлъ стать во главѣ этого національнаго русскаго дѣла, дѣла народнаго освобожденія. Растущій Московскій удѣлъ уже въ первой половинѣ XIV столѣтія привлекалъ новое населеніе, — въ его составѣ и бояръ съ ихъ «дворами» и слугами-воинами. Сила Москвы ставила ее во главѣ Руси для близившейся борьбы русскаго народа съ проклинаемымъ татарскимъ игомъ, а ея *географическое положеніе* дѣлало ее *военною базой* для этой борьбы. Отдѣленная отъ татаръ землями Нижегородскою, Муромо-Рязанскою и Сѣверскою, Москва могла копить военныя силы, посылать помощь страдающимъ отъ татаръ землямъ и естественно, получала значеніе руководительницы борьбы и главной въ ней силы. Въ 1367 году былъ поставленъ «городъ

Москва камень». Окруженный каменными стѣнами, московскій Кремль сталъ главною русскою крѣпостью. А борьба съ татарами уже начиналась въ 70-хъ годахъ XIV вѣка. И Куликовская битва 1380 года была оцѣнена старою письменностью какъ кровавый бой «за всю Землю Русскую»: въ немъ «князь великій своею храбростію и дружиною—Мамаю поганого побилъ за Землю Русскую и за вѣру крещеную». Пусть это «побойце» еще не освободило Руси отъ «сыроядцевъ» и цѣлыхъ сто лѣтъ, еще ей пришлось ждать сверженія «агарянскаго» ига, вновь подвергаясь ужасу нашествій хищниковъ. — приближеніе освобожденія сознавалось, и Дмитрій Донской въ старой письменности именуется «царемъ Русскимъ», какъ готовый преемникъ власти хана надъ Русью. Правда, его сыновья, уже вотчинники великаго княженія Владимірскаго, все еще остаются данниками хана, но вѣра въ то, что «перемѣнитъ Богъ Орду»—налицо, и Дмитрій дѣлаетъ въ своей духовной распоряженія на этотъ случай.

Сынъ Донского, Василій I, далеко расширилъ предѣлы своей вотчины. Нижній Новгородъ, Городецъ, Муромъ, Мещера, Таруса, Волокъ Ламскій, Бѣжецкій Верхъ, Ржева, Вологда, Козельскъ и Любутскъ вошли въ ея составъ. Продолжалъ присоединенія и его сынъ Василій II, а сынъ и внукъ послѣдняго, Иванъ III и Василій III, dokonчили собираніе всей тогдашней Русской Земли, еще не соединившейся, или слабо соединившейся съ Литвою. Съ нею изъ-за остальныхъ русскихъ земель должна была возникнуть упорная борьба, начавшаяся уже при Дмитріи Донскомъ. Съ развитіемъ процесса собиранія Руси, московскій князь въ этой борьбѣ основывался на томъ же своемъ вотчинномъ, наследственномъ правѣ, подъ покровомъ котораго и вся Русская Земля слагалась около Москвы въ національное русское государство. Въ старой рукописи «Палея» читаемъ такую приписку къ «Уставу св. князя Володимера, крестившаго Русскую Землю»: «се язъ, князь великій Василей Дмитреевичъ всея Руси, сѣдъ съ своимъ отцемъ съ Фотѣемъ, митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси, управили есмы по старинѣ о судѣхъ церковныхъ, взяше старыя Номоканунъ, како управилъ *прадѣдъ мой* св. князь великой Володимеръ и сынъ его кн. вел. Ярославъ всея Руси». Это сознаніе *наследственности* власти надъ всею Русскою Землей затѣмъ было отчетливо высказано Иваномъ III и Василіемъ III въ ихъ перегово-

рахъ съ Литвою: «вся Русская Земля отъ прародителей нашихъ наша вотчина». Эта вотчина должна собраться во-едино — наследственный князь-вотчинникъ ставить своею задачею возстановить ее всю.

Изъ простого вотчинника, ходомъ исторіи и работою русской мысли, онъ превращался въ православнаго «царя», преемника Константина Великаго и византійскихъ императоровъ. Уже Флорентійская Унія 1439 года, когда константинопольскіе «царь» и патріархъ «въ прелести латынскихъ ерессей внадоша, въ сѣти злата увязнувшѣ», запечатлѣла въ русской мысли подвигъ московскаго князя Василія II который не допустилъ «совратити люди Божіа съ истиннаго пути святаго вѣры». Онъ одинъ, когда въ смущеніи растерялись русскіе епископы, мужественно отвергъ постановленія «суемысленаго собора», приказалъ привезшаго въ Москву унію митрополита Исидора «съ митрополскаго престола совреши», какъ «безумна прелестника». И Церковь была «беззавѣтною и безмятежною» сохранена «обличеніемъ Богомъ вразумляемаго великаго державнаго Василія Василіевича, въ благочестіи цвѣтущаго царя всея Русіи, емуже о семь откры Господь Богъ велеумнѣ разумѣвати и вся мудрствовать». Въ 1453 году Константиновъ градъ, Второй Римъ, палъ, и «беззаконный Магметъ сѣде на престолѣ царскомъ». Кто же теперь станетъ «православнымъ царемъ» *въ міровомъ значеніи стража православія*, нуждающагося въ защитѣ отъ «волкохитныхъ» враговъ, съ мечомъ, «бѣсованіемъ гордости», «ересью» и «тмою безвѣрія» воинствующихъ? Для русской мысли отвѣтъ былъ готовъ: московскій князь, какъ царь православный. Москва встала на мѣсто Константинограда, Новаго Рима — «два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть».

Такъ «удѣль» московскихъ князей-собирателей выросъ въ «Царство Московское — Великую Россію», собравъ и продолжая собирать около Москвы Русскую Землю и засвѣтившись яркою идеею, такою живою и величественною, въ тогдашнемъ органически стройномъ, словно литомъ, міросозерцаніи.

И. Лаппо.